НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ!

ГРУППА АНТИТЕРРОР

СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

МОРСКОЙ БОЙ

Максим Анатольевич Шахов
Морской бой

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4954891
Морской бой: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-61587-2

Аннотация

Российские специалисты готовятся к освоению вновь открытых газовых месторождений Парагвая. В Асунсьон отправляется сухогруз «Архангельск» с геологическим оборудованием и аппаратурой. Сопровождает судно группа морского спецназа, цель которого – обеспечение безопасности команды и груза. Присутствие на борту элитных бойцов – не пустая предосторожность. Дело в том, что американцам очень невыгодно появление нового игрока на рынке энергоносителей, и они решили во что бы то ни стало помешать русским приступить к работе на парагвайских месторождениях. Сделать это спецслужбы США намерены весьма нецивилизованным способом: на «Архангельск» готовится террористическая атака…

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	29
Глава 3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Максим Шахов
Морской бой

Пролог

Атлантика. Восточнее побережья Аргентины

С дурнотой бороться все труднее. Наверное, у него все же сотрясение мозга. Да еще и серьезная потеря крови, несмотря на тугую повязку на бедре. Кстати, сколько времени прошло с тех пор, как он ее наложил?

Берега уже не было видно. Разбитая яхта, дрожа всем телом, взбиралась на очередной вал и падала боком вниз. Каждый раз казалось, что это конец, но крепкая посудина, рассчитанная на долгие хождения по океану, выдерживала многотонные удары и снова выправлялась. Правда, делала она это все тяжелее и тяжелее. Пулевые пробоины в бортах находились где-то в носовой части, а вот дыра от снаряда гранатомета была в районе моторного отсека, куда Андрей добраться не мог. Вода прибывала с каждым часом и сейчас плескалась уже в кают-компании.

Сколько времени осталось: два часа, четыре, шесть? Течение неумолимо тащило судно на юг, все дальше от берега. Корабли, которые проходили Магелланов пролив и двигались на север, в Буэнос-Айрес и Монтевидео, держались

западнее, чтобы не тратить лишнего топлива на борьбу с течением. Можно было бы надеяться на морской путь, который связывал материк с Фольклендами, но и он остался далеко к западу. Яхту несло уже не курсом «south» [1]. Насколько Андрей мог определить по солнцу, теперь она шла скорее курсом «south-south-east». А здесь прямых караванных путей не существовало.

Все? Конец? Тупая боль в онемевшей ноге мешала думать. Мысли путались, метались в голове. Они уже не искали выхода, сознание затуманилось. Андрей вдруг осознал, что снова вынырнул из беспамятства. Он сидел, свесив голову, в кресле перед приборами и бесполезным штурвалом на открытом мостике яхты. Спуститься в каюту к Марии, вынести ее наверх? А смысл? Пусть лучше так… Пусть она не узнает, что умрет, и не будет в этот момент в сознании.

Андрей оглянулся на палубу, где волны перекатывали мертвое тело. Со спины на бок и на живот. Потом назад. Руки убитого при этом безвольно, как тряпки, шлепали по палубе. Смотреть на это было неприятно и даже больно…

Все понятно, все давно передумано: ты военный, ты офицер, ты выбирал эту профессию сознательно. Ты знал, что всегда существует возможность умереть. В этом твоя работа – быть готовым умереть, если будет нужно. Спокойно, мужественно умереть… Но все равно до боли жаль, что произой-

---

[1] Принятое на флоте английское обозначение румбов: север – north, запад – west, юг – south, восток – east.

дет это вдали от дома. И он не сможет проститься с отцом…

Глава 1

Парагвай. Асунсьон. Резиденция международной организации «Врачи без границ»

Николас Вудвин – румяный толстячок с веселыми добрыми глазами – внешностью как нельзя лучше подходил на роль помощника посла по связям с общественностью. Именно «на роль», потому как основные задачи, которые стояли перед полковником Вудвином, были несколько далеки от его официальной должности. Полковник Вудвин был сотрудником Информационно-аналитического департамента ЦРУ и экспертом по странам Южной Америки. В зависимости от любых осложнений или просто изменений во внутриполитической жизни той или иной страны, он выезжал на место событий, собирал материал, готовил доклад руководству, где излагал свои рекомендации по решению проблемы. Это если говорить языком документов. А по сути, рекомендации сводились к ответу на вопрос: чьими руками удобнее будет «таскать каштаны из огня». Разумеется, во время этих командировок мистер Вудвин получал в подчинение резидентуру той страны, в которой ему предстояло работать.

Белый «Мерседес» с посольскими номерами свернул с проспекта Республики на улицу Генерала Диаса. Небольшой особняк за кованым забором в старом испанском стиле принадлежал частному лицу, но вот уже пять лет, после

последних напряженных событий в стране, как здесь обосновалась международная гуманитарная организация врачей. Правительство смотрело на существование этого учреждения сквозь пальцы, не понимая тем не менее, почему врачи так задержались в стране, где последствия последней гражданской войны почти полностью ликвидированы. Между тем в лабораториях организации занимались еще и разработкой вакцин, поставками дешевых лекарств для малоимущих. Врачи миссии частенько выезжали на север в пустынные районы, где оказывали необходимую помощь пастухам и земледельцам. И эти факты заставляли властей мириться с существованием организации. Хотя наверняка спецслужбы Парагвая подозревали, что в составе миссии врачей есть люди, откровенно занимающиеся шпионажем.

«Мерседес» въехал в ворота, обогнул здание, обрамленное декоративными араукариями, и остановился у заднего входа, скрытого от любопытных глаз со стороны улицы. Улыбчивый, буквально излучающий позитив Вудвин взбежал по лестнице на второй этаж, раскланиваясь со встречными. Чувствовалось, что он тут частый гость и многие знают его очень хорошо. Метисы, индусы, европейцы, африканцы – кто только не работал в этой организации, действующей на общественных началах. И немудрено, что внимание посольства США воспринималось здесь как важный факт признания их работы в этой стране.

Толкнув дверь, Вудвин буквально вкатился в просторную

комнату, вытирая шею и лоб носовым платком. На улице было восемнадцать градусов выше нуля по Цельсию, но Вудвин все равно потел. Перевод с привычной в США шкалы Фаренгейта он сделал машинально и привычно. Сказался опыт работы в других странах.

– О-о! Мистер Вудвин! – Отложив в сторону какие-то графики, из-за стола поднялся высокий смуглый сухопарый мужчина с крючковатым носом и густыми бровями. – Какая честь для нас.

– Ну-ну, мой друг. – Вудвин поднес к губам толстый палец. – Откуда эти церемонии? Мы же вместе работали в Чили в 96-м, так что нам они ни к чему.

– Николас, – тут же поправился человек. – Давно приехал? Я слышал, ты засел за мемуары? Что-то связанное с анализом британо-аргентинского конфликта, не так ли?

– Это все вранье, Энтони, – заверил Вудвин хозяина кабинета. – На мемуары абсолютно нет времени, да и желания, честно говоря, тоже. А как тут у тебя?

Вопрос был задан самым невинным тоном, но толстый палец помощника посла многозначительно обвел помещение по кругу. Смуглый человек молча кивнул головой и снял со спинки кресла пиджак.

– Если ты не против, пойдем в бар и пропустим по стаканчику, – предложил он.

Продолжая вести ничего не значащий разговор, мужчины прошли по коридору, спустились на первый этаж и вышли

к зимнему саду, устроенному в одной из частей здания. Помимо растений, часто встречающихся в Европе и Америке, здесь росли и довольно редкие тропические виды. Несмотря на сильный цветочный аромат и громкие звуки, издаваемые многочисленными птицами, мужчины не чувствовали дискомфорта и спокойно продолжали беседу.

– Так что у нас стряслось? – спросил Энтони Кларк, вот уже четыре года числившийся резидентом в Парагвае. – Почему ты так срочно приехал?

– Увы, виной всему открытие новых месторождений сланцевого газа. Президенту для выработки политических решений нужна полная достоверная информация.

– Ах вон оно что! Конгресс волнует то, что наши позиции в Южной Америке могут пошатнуться? В принципе правильно волнует, потому что ситуация складывается для нас не очень хорошо. Мои агенты подготовили оценку запасов новых месторождений. Картина не слишком утешительная. Они могут дать 243 миллиона баррелей нефти и около четырех с половиной миллиардов кубометров природного газа. Учитывая бедность страны природными ресурсами, и в частности углеводородами, это целое богатство, свалившееся с неба.

– Скорее уж подаренное дьяволом, – хмыкнул Вудвин. – А ты уверен в достоверности этой информации?

– Я же геолог по образованию.

– Это я знаю, – кивнул полковник. – А какого черта, на

твой взгляд, Сенат взялся за президента Луго?

– Видишь ли, после того как эпоха диктатуры Стресснера закончилась, в Парагвае очень болезненно относятся к насильственным действиям властей. Формально парагвайский Сенат объявил импичмент президенту, обосновав его применением силы против населения. Ты помнишь, что в результате столкновения с полицией погибло семнадцать человек?

– Волнения крестьян? Помню. И что, Луго послушно ушел?

– Сенаторы очень испугались, что ситуация выйдет из-под контроля и придется применять военную силу. Они посчитали, что лучше убрать президента, который прокололся с поспешным решением, чем порождать конфронтацию в стране. А сам президент? По-моему, он тоже понял, что утратил доверие, коль уж дело дошло до импичмента. А что у нас в Ленгли [2] думают по этому поводу?

– У нас в Ленгли определенные меры уже принимаются, но пока все больше превентивного характера. Кардинальную стратегию вырабатывать придется нам с тобой. На сегодняшний день принято решение о прекращении поставок нефти в Парагвай из Венесуэлы.

– Интересно, – хмыкнул Кларк. – Кажется, Уго Чавес был

[2] Ленгли – штаб-квартира ЦРУ, комплекс зданий в г. Маклин (8 км от Вашингтона, графство Фэрфакс, штат Вирджиния). Там же находится штаб-квартира Федерального управления шоссейных дорог и Службы Национальных Парков США.

настроен любыми путями избавиться от нашего влияния, а тут пошел навстречу? Почему?

– Он не знает, что пошел нам навстречу, Энтони. Он полагает, что оказывает давление на Парагвай из благих целей. При всех особенностях президента Луго, он все же был национал-патриотом, что бы там ни говорили о его склонности к геноциду собственного народа.

– Это чушь.

– Это чушь, – добродушно согласился Вудвин. – И Чавес решил прекратить поставки нефти в Парагвай именно из-за импичмента. Ты ведь знаешь, что переговоры по поводу строительства нефтепровода шли довольно успешно.

– Разумеется. Чавес не раз заявлял о готовности помочь Парагваю в деле софинансирования проекта строительства газопровода. Именно Чавес в середине прошлого года на встрече с президентами Боливии, Уругвая и Парагвая в очередной раз поднял вопрос о строительстве газопровода протяженностью 6 тысяч километров. Насколько я осведомлен о предварительном проекте, он должен начаться в Тарихе в Боливии, пройти здесь в Парагвае через Пуэрто-Касадо и закончиться на побережье, неподалеку от Монтевидео. Что полагает ваш Директорат, Николас? Я имею в виду личность будущего главы государства.

– Федерико Франко в качестве вице-президента многое может успеть до начала внеочередных выборов. Недаром он так активно заигрывает с оппозицией и ведет публичные

диалоги с Луго по поводу прекращения конфронтации.

– Франко настроен серьезно, – покачал головой Кларк. – И Франко будет искать помощи на стороне. Он умный человек, не фанатик. Он может победить в этой геологической войне. Например, он может обратиться к России. Их корпорация «Газпром» давно пустила хорошие корни в Южной Америке.

– Во-от, – радостно заключил Вудвин. – Вот с чем я и приехал. В недрах нашего Директората всплыла информация, что русские готовы заняться парагвайскими месторождениями. Наша с вами задача, Энтони, их туда не пустить.

– Я предвидел такой поворот событий, – усмехнулся Кларк, покосившись на жизнерадостного полковника. – Поэтому сделал несколько запросов в контору по поводу шестерых русских, которые имеют отношение к парагвайскому проекту и гарантированно приедут в Асунсьон.

– Вы намерены завербовать их?

– Безусловно, – кивнул Кларк. – Это не Европа, здесь своего агента подсунуть сложно. Вы же знаете, что подавляющая часть населения этой страны – метисы, потомки гуаранчи. А те крохи европейцев и наших соотечественников, которые есть, неизбежно привлекут к себе внимание. Нет, только вербовать и причем очень агрессивно.

– Браво, Кларк, мне именно так вас и характеризовали! Вы смотрите на шаг вперед и всегда пытаетесь предвидеть развитие ситуации. Ваш запрос рассматривали при мне. Думаю, что через пару дней информация будет у вас.

– Сейчас, полковник, с русскими работать стало намного легче, – задумчиво и немного грустно сказал Кларк. – Сейчас завербовать их специалиста, политика, чиновника – не заслуга, не признак мастерства, а рутина. Раньше у них была идея, и за эту идею они были готовы идти на костер. В переносном смысле, конечно. А теперь… Теперь они, так же как и мы, любят деньги. Теперь они просто товар.

– Вас это как будто огорчает? – рассмеялся Вудвин.

– Противника надо уважать, полковник, работой надо наслаждаться. А тут возникает ощущение, что стоит только показать пачку банкнот, как сразу потянутся руки и наперебой раздадутся голоса, предлагающие свои услуги.

– Ну-ну! Зачем уж вы так принижаете русских. Я уверен, что и сегодня среди них немало патриотов. Впрочем, посмотрим. Давайте вернемся к нашим делам: завтра из Мексики прибывает группа наших специалистов-геологов. Формально – это представители частных нефтегазодобывающих компаний, которые будут консультировать местные власти. Формально их задача заинтересовать нынешнее правительство Франко и предложить услуги своих компаний. Это прикрытие, хотя если Франко пойдет на это, то прикрытие станет реальной задачей. Мы займемся их месторождениями и вгоним в такие долги, что страна окажется на грани инфляции. Потом будем действовать по обычному сценарию.

– А если Франко не пойдет на сотрудничество с нами, – закончил мысль Кларк. – Тогда мы просто сделаем работу

русских в стране невозможной и снова вернемся к сценарию номер один.

– Примерно так, – заторопился Вудвин и посмотрел на часы. – К сожалению, я должен вас покинуть, Кларк, а обсудить нужно еще многое. Вы получили приказ о том, что переходите в мое оперативное подчинение?

– Да, еще два дня назад.

– Ну и отлично. И не забудьте, Энтони, – пожимая резиденту руку, весело напомнил Вудвин. – Мы с вами давние знакомые, работали вместе в Чили.

Новороссийск. Квартира капитана 1-го ранга в отставке Истомина

Андрей, перепрыгивая через две ступеньки, привычно взбежал на третий этаж. Времени на сборы было достаточно, выходной он провел отлично, молодое здоровое тело слушалось идеально, а душа не ведала сомнений. Что еще нужно в двадцать восемь лет?

Открыв дверь квартиры, Андрей вошел в прихожую, бросил пустую сумку на пол и на миг задержался у большого, во весь рост, зеркала. Метр восемьдесят два роста, сплошные мышцы, тонкая талия, широкие плечи, волевой подбородок! Пацаны смотрят с завистью, девки тихо млеют. Супермен, офицер флота!

– Пап, ты дома? – гаркнул Андрей из прихожей.

– Что ты орешь, труба иерихонская? – раздалось в ответ

басовитое замечание, и в дверном проеме гостиной появился отец в домашних трико, футболке и с неизменной газетой в руках. – Явился? Ну, как прошла встреча с одноклассниками?

– Шашлык, пиво, футбол, – бодро отрапортовал Андрей. – Все живы и здоровы, чего и тебе желают. Лиза Макарова привет передавала.

– Ну-ну, – усмехнулся отец, пропуская сына в гостиную и глядя ему вслед. – У тебя с ней, значит, опять отношения?

– Папа, – укоризненно ответил Андрей, раздеваясь на ходу. – Лизка – это увлечение моей молодости.

– Как жаль, что твоя молодость уже прошла, – язвительно заметил отец.

– И не говори! – с жаром согласился Андрей, поворачиваясь к отцу.

– Тут тебе какая-то Лена звонила.

– Лена? – Андрей сразу как-то сник. – А давно звонила?

– Понятно, – сделал свои выводы отец. – Тебе во сколько нужно быть в штабе? Есть будешь?

– Не, пару бутербродов с чаем перехвачу! Мы вчерашнее мясо утром доедали, так что я в общем и целом сыт, – проходя в ванную в одних трусах, ответил Андрей.

– Куда командировка? – спокойным голосом спросил отец, но интонации все же выдали волнение старого капитана 1-го ранга.

– Атлантика, Южная Америка, – сквозь плеск воды до-

неслось из ванной. – Представляешь, меня взяли из-за моего испанского. Не зря учил!

– А я всегда тебе говорил, что офицера красят знания, красит голова, а не то, что ниже. Сашка с тобой едет?

– Ветерок-то? А куда ж я без него!

– Это хорошо, – возвращаясь на кухню, проворчал старый офицер. – Я как-то спокойнее себя чувствую, когда Сашка с тобой рядом. Он парень рассудительный, спокойный.

Андрей вышел из ванной с мокрыми волосами и уселся на кухне напротив отца. Он смотрел на его массивную отяжелевшую фигуру. Лобастая голова, теперь уже с редким седым пушком, упрямо наклонена. Сильные, со старческими веснушками руки все делали уверенно, основательно. И колбасу резали, и наградной пистолет чистили. Так же уверенно отец чувствовал себя и на мостике корабля.

– Пап, а что ты знаешь про дольмены? [3]

– Дольмены? – Отец поднял на сына удивленный взгляд: – А почему это ты заинтересовался археологией?

– Да мы же туда поднимались на пикник, – рассмеялся Андрей. – Прикольно! Туда залезть можно, правда, дыра маловата, но тем не менее…

– Вот за что я злюсь на современную молодежь, – строго

[3] Дольмены (от *англ.* taol maen – каменный стол) – древние мегалитические (то есть сложенные из больших камней или каменных плит) сооружения определенной формы. На Кавказе они имеют форму замкнутого помещения, перекрытого каменной плитой. На передней стене круглое отверстие, через которое внутрь способен пролезть человек. Назначение неизвестно.

сказал отец, – так это за легкомыслие, неуважение к памяти тех, кто жил раньше, чувствовал, верил во что-то. Вы сами еще ничего не создали, но тем не менее считаете себя вправе так цинично обращаться с тем, что было создано до вас. Нехорошо это, кощунственно.

– А что не так-то? Они что, священные какие-то?

– Ты здесь родился, вырос, а ничего не знаешь о культуре прошлого. Ты и настоящего не ценишь.

– Пап, ну чего ты опять начинаешь, – сморщился Андрей. – Че такого-то? Ну нельзя же знать все!

– Читать надо побольше, интересоваться, – ворчливо, но уже мягче сказал отец. – Это искусственно созданные сооружения, Андрей. Поставлены они были древними людьми еще в начале бронзового века, примерно в I–III тысячелетиях до нашей эры. И это не просто достопримечательность, это целая культура, которую ученые называют «дольменной». Дольмены есть у нас на Кавказе, есть в Северной Африке, в Европе, в Корее. Они разные по форме и размерам. Никто толком не знает их изначального предназначения, но почему-то люди создали их, перетаскивали многотонные плиты, устанавливали, укладывали. Понимаешь, они видели в этом смысл, это соответствовало их верованиям. А вы туда с ногами, с пивом! Нехорошо…

– Ну мы же не знали…

– Надо всегда думать и помнить, что существуют священные для людей вещи, места, понятия. Что для тебя значит

Родина, память о предках? Это имеет для тебя хоть какую-то ценность?

– Ну а как же, – пожал Андрей плечами. – Это понятно. Родина – это страна, город, место, где родился, учился, жил… И про предков ты мне рассказывал, я помню. Контр-адмирал Истомин, который погиб при обороне Севастополя. Там даже памятник на месте его гибели установлен. На Малаховом кургане.

– Да не на Малаховом кургане, а на Зеленом холме! Плохо, Андрей, плохо не знать о предках, их подвигах, плохо не думать о прошлом своей Родины, не ценить ее, не уважать. А ты как офицер российского флота должен не просто уважать, а быть достойным ее!

– Папа, что такое офицерская честь, нам вбили еще в училище, – махнул рукой Андрей.

– Честь офицера заключается не в том, чтобы бить морду каждому, кто наступит тебе в автобусе на ногу, – строго напомнил отец.

– Папа, и не мне, и не в автобусе!

– Я не про тот случай и не про ту девушку! Я говорю в принципе. Ладно, оболтус, домой-то успеешь забежать?

– Вряд ли, пап, – грустно улыбнулся Андрей. – Ты же знаешь, как это у нас делается. Вызвали в штаб, зачитали приказ, и по кораблям. Ты не волнуйся, обычная командировка, автономное плавание, учебные задачи.

– Ладно, – кивнул старый офицер. – Теперь уж мое дело –

стариковское. Ты вот что, Андрюша… Вы ведь наверняка в Севастополь зайдете, у нас ведь на рейде ни одного боевого я не видел. Ты найди там время, сходи на улицу Суворова… Во Владимирский собор. Просто постой над могилами [4], подумай… Там ведь могила твоего великого предка. Ты ведь уже не мальчик, Андрей, пора тебе взрослеть, мужать.

– Ладно, пап, – слишком поспешно ответил Андрей, – посмотрим. – Как время будет.

Вот чего Андрей Истомин терпеть не мог, так это бессмысленных споров. А таковыми зачастую и были споры с отцом. И сейчас, глядя на крутой «истоминский» лысеющий череп, он думал о том, что вот так же когда-нибудь состарится, будет брюзжать про то, что в его время офицеры были другими и флот был другим, да и вообще многое… А вот сейчас… Андрей невольно провел рукой по своим жестким коротко остриженным волосам и представил на их месте бледную проплешину. Нет, таким он не будет, он-то понимает, что все меняется и ничто не может оставаться по старому.

Москва. Проспект Академика Сахарова

Черная иномарка с военными номерами, которая пару минут назад вывернула из ворот Главного штаба ВМФ, уверенно выскочила на проспект и понеслась прочь от центра. Че-

[4] Во Владимирском соборе находятся усыпальницы адмиралов М.П. Лазарева, В.А. Корнилова, В.И. Истомина, П.С. Нахимова. С наружной стороны в облицовку стен южного и северного фасадов вмонтированы четыре плиты из черного мрамора с именами погребенных и датами их смерти.

рез пять минут военная машина стала прижиматься вправо к тротуару и наконец на глазах хмурого инспектора ДПС остановилась под знаком «остановка запрещена». Инспектор помялся, но все же двинулся в сторону нарушителя. В ситуациях, когда автомобиль принадлежал «неприкасаемым» лицам или организациям, он обязан был принять меры, чтобы ликвидировать нарушение или оказать помощь, если таковая потребуется. Сейчас он подойдет к машине, а в окно ему не очень корректно бросят, чтобы не совался, если дорога работа и карьера. И выслушать придется многое, вплоть до матерных оскорблений, это неизбежно. А он должен не реагировать и лишь вежливо попросить, чтобы уехали из-под знака.

Инспектор не успел выполнить самую неприятную часть своей работы, как позади военного авто лихо припарковалась подлетевшая иномарка. Номера этой машины говорили о принадлежности ее пассажиров к депутатскому корпусу. Инспектор не успел подойти, как из депутатской машины вылез мужчина и пересел в иномарку штаба ВМФ. Обе машины одновременно сорвались с места. Инспектор облегченно выдохнул и бросился тормозить поток на двух крайних полосах, чтобы не создавать аварийной ситуации. Не прошло и минуты, как обе иномарки исчезли из вида.

– Что ж вы так? – брезгливо поморщился человек в форме контр-адмирала. – Сказали бы, и я заехал к вам в Думу. Шпионский детектив какой-то.

– Всеволод Борисович, – с легкой укоризной в голосе сказал депутат. – А как бы это выглядело? Контр-адмирал флота заявляется в Думу. Да нас потом журналюги наизнанку бы вывернули. А фантазия у них ого-го-го, не мне вам рассказывать! Ничего, поиграем немного в шпионов, нам не привыкать.

– Я не понимаю, а вам-то чего бояться? «Газпром» у нас государство в государстве. Даже неизвестно, какое в каком! То ли «Газпром» в России, то ли Россия в «Газпроме».

– Знаю, слышал я эту шутку. Но только Россия делает политику разными путями и разными средствами. В том числе и руками «Газпрома». А Парагвай – это очень лакомый кусочек, не зря же его называют «сердцем» Южной Америки. Если он будет нашим союзником, хоть на сколько-то зависим от нас экономически, связан хоть какими-то долгосрочными обязательствами, то расклад сил в Южной Америке изменится, причем кардинально.

– Позицию Минобороны по этому поводу я знаю. Знаю и мнение начальника Главного штаба ВМФ. Увы, Олег Иванович, сейчас мы не можем гарантировать присутствие нашего флота у берегов Южной Америки. К президенту вы с этим не пойдете, а больше никто решить этого вопроса не сможет. Многие у нас считают, что это было бы уже слишком!

– Слишком? – Депутат с волнением хлопнул себя ладонью по колену. – Слишком! Я вот не считаю, что группа наших кораблей у чужих берегов – это слишком, особенно когда у

этих берегов вращаются такие огромные деньги.

– Олег Иванович, не горячитесь! – Адмирал полез в карман за сигаретами. – Не надо. Кое-что мы можем сделать и своими силами, так сказать, в рамках своей компетенции. Вас ведь в первую очередь интересует безопасность груза, который пойдет в Парагвай морским путем? Вот мы вам эту безопасность и обеспечим силами морского спецназа. В случае чего, они и в Асунсьоне вас подстрахуют, а дальше дело полиции и местных властей.

– И на том спасибо, – кивнул депутат. – Безопасность нам нужна. Только присутствие флота более весомый аргумент. Как там у Черчилля? Политика канонерок? Вот и нам не помешала бы демонстрация силы и серьезности наших намерений.

Через пять минут человек, которого назвали Олегом Ивановичем, снова пересел в свою машину, и она, взвыв сиреной и замигав проблесковыми маячками, спрятанными за радиаторной решеткой, рванула назад, развернувшись через двойную сплошную. Инспекторы ДПС поспешно, но с большим опозданием, попытались расчистить дорогу депутатской машине.

Совещание, запланированное неделю назад, постепенно теряло свой статус. Сначала важность проблемы требовала, чтобы его провел сам премьер-министр. Но потом оно было отложено на два дня. Причем появилась информация, что проведет его вице-премьер, но в итоге снова возникла за-

минка. Некоторая нервозность в этом вопросе просто витала в воздухе. Соответственно, стали появляться сомнения в возможности положительного решения. Если премьер самоустранился, значит, ему не по статусу заниматься этим вопросом, нехорошо при его положении зарубать проблему. В таком случае сделать это должен был кто-то, чье внимание к вопросу не будет выглядеть как внимание самого высокого уровня. Так, чисто ведомственный вопрос.

Олег Иванович уже знал – час назад было принято решение, что совещание пройдет в Минэнерго. И понял, что руки у «Газпрома» теперь развязаны. Убедился он в этом окончательно, когда в зал для совещания вошел замминистра. Стало понятно, что статус мероприятия упал «ниже плинтуса».

Начали с заявления позиций правительства и министерства в области развития нефтегазового комплекса страны, защелкали цифры, потекли километровые таблицы объемов добычи, реализации. Отдельно развернули графики с международными индексами и тенденциями, которые выявили аналитики. Олег Иванович сидел и ждал своего часа, время от времени подавляя зевоту.

– …и это напрямую касается наших ямальских месторождений, – неожиданно свернул разговор в иное русло замминистра. – Олег Иванович, вы у нас на совещании представляете «Газпром». Поясните, пожалуйста, в какие сроки вы намерены развернуть работы по новым месторождениям? Весной ваше руководство по необъяснимым причинам решило

заморозить буровые работы и вернуться к ним в обозримом будущем – в течение 10–12 лет. Не так ли?

Олег Иванович не спешил с ответом, зная эту манеру министерских работников. Первая часть вопроса вопросом и не является вовсе. Это информация к размышлению, к тому, как следует понимать последующий вопрос, каким образом его интерпретировать и в каком ключе следует отвечать. Ишь, вспомнил про весеннее решение! Весной мы ждали, когда начнется и как будет протекать нефтегазовый кризис в Южной Америке. Вбухивать деньги в новые буровые работы, чтобы потом сливать содержимое по бросовым ценам в угоду политике правительства? Извините, господа, у нас другие планы, у нас своя политика. Начать буровые работы не долго, был бы потребитель.

– Да, – кивнул наконец Олег Иванович, когда заместитель министра закончил вступительную часть вопроса и сформулировал наконец его суть. – Да, мы определились с новыми месторождениями на Ямале и частью других восточных. Наиболее рациональным, на взгляд руководства «Газпрома», будет разработка и транспортировка нефти и газа в Юго-Восточную Азию и Южную Америку. Удалось достичь определенных договоренностей по объемам, ценовой политике. В целом речь идет об инвестировании в долгосрочные проекты, которые позволят использовать данный канал в обозримом будущем с максимальной выгодой для акционеров.

– А вам не кажется, Олег Иванович, что в данном во-

просе «Газпром» ведет себя не совсем корректно? Работа отечественного нефтегазового комплекса запланирована в определенных объемах, от этого зависит слаженная работа всей энергосистемы страны. И тут вы объявляете, что у вас неожиданно изменились планы.

Олег Иванович хотел было сказать, что они «виноваты и больше так не будут», но сдержался. Замминистра реальной власти и влияния на «Газпром» не имел. Более того, ямальские месторождения вообще ни в какие планы не входили. В данном случае неудовольствие чиновника было необоснованным. Скорее всего, оно должно было просто продемонстрировать позицию министерства в этом вопросе. В первую очередь – нужды страны, в первую очередь – Дальний Восток, Север, Камчатка и Сахалин. Перебои с поставками туда нефти стали притчей во языцех, а у «Газпрома» интересы, видите ли, в Южной Америке. Иными словами, министерство обязано показать, что оно недовольно. И Олег Иванович, при всем своем депутатском статусе, занимая не последний пост в руководстве «Газпрома», и тот ничего изменить в этой ситуации не может. В том числе повлиять на планы совета директоров. Он тоже исполнитель, хотя и заинтересованный.

Совещание закончилось, рекомендации министерства были выслушаны и тщательно зафиксированы. Текст протокола отправили на доработку, с тем чтобы завтра разослать его ведомствам – участникам совещания. Все приличия вроде

как соблюдены.

– Олег Иванович, – уже поднимаясь из-за стола, окликнул замминистра. – Задержитесь, пожалуйста, на минуту.

Увидев кивок в сторону комнаты отдыха, Олег Иванович неторопливо собрал свои документы на столе, сложил их в папку. Когда все участники исчезли за дверью, он вошел в комнату отдыха. Здесь стояли удобные кресла, на низком столике располагался приличный набор напитков. Замминистра в роли приглашающей стороны протянул руку к холодильнику и достал две бутылки холодного чая «Липтон» с лимоном. Собеседники неспешно откупорили бутылки и сделали по глотку в полном молчании. Это был тоже своего рода ритуал.

– Так что, все так серьезно с Южной Америкой? – наконец спросил замминистра.

– У нас очень хорошие перспективы. Сейчас ситуация складывается таким образом, что мы можем безболезненно для собственного нефтегазового комплекса сливать туда нефть и газ. Кое-кто утрется, но Парагвай сможет продержаться несколько лет на нашем сырье. А за несколько лет мы создадим там такую инфраструктуру, что с этим придется смириться и Венесуэле, и Уругваю, и Боливии, и даже США. Главное, что их нынешний кабинет согласен на инвестиции, а это решение всех проблем для страны.

– Это уже не экономика, это уже политика.

– Конечно. Наш флот вот уже несколько лет стоит в вене-

суэльских портах, а наши дальние бомбардировщики на их аэродромах – это политика ради экономики. Уго Чавес тогда показал американцам, в какую сторону он смотрит. Однако сейчас все решает не военная эскадра и ее присутствие, а наличие наших специалистов и нашего бурового оборудования. Все это должно идти туда нескончаемым потоком. Это убедит всех в том, что передел закончен. Это уже экономика ради политики.

Глава 2

Новороссийск. Штаб 184-й бригады охраны водного района Новороссийской базы Черноморского флота РФ

Андрей стоял вторым в строю из двенадцати офицеров. Первым, как всегда, был, конечно же, Сашка Ветер – он был выше своего школьного товарища на три сантиметра. Начальник штаба бригады строго оглядывал всех и излагал точно по уставу.

– В целях обеспечения безопасности государственных грузов на пути следования судов вплоть до пункта разгрузки принято направить для их охраны офицерскую группу из состава подразделения морского спецназа. Командиром группы приказом Главного штаба ВМФ назначен капитан второго ранга Ломашевский. Он и сформулирует вам задачу. Прошу вас, – коротким кивком он передал слово начштабу и сделал шаг в сторону.

С высоты своих метр девяносто Ломашевский обвел строй ледяным взглядом серых глаз. Был он сухощав, и казалось, что форменная рубашка висит на нем как на вешалке. Андрей сразу заметил, что ушные раковины капитана плотно прижаты к голове. Прямо как у хищника перед прыжком.

– Товарищи офицеры, – сиплым зловещим голосом произнес Ломашевский. – Я считаю необходимым познакомиться с каждым членом группы отдельно и с каждым побеседо-

вать лично. Пока все свободны. Вызывать буду по одному. Разойдись!

Строй моментально развалился, и офицеры потянулись в коридор, переглядываясь и пересмеиваясь. Учений на своем веку они повидали много, столько же и командиров. И в горячих точках бывали, и в Аденском заливе «шорох» в прошлом году навели. Южная Америка? Мудрит что-то командование! Морской пехоты нет для охраны? На кой хрен боевых пловцов отправлять караульными на сухогрузы? Ну, двух-трех еще куда ни шло. Например, для проверки на предмет возможной установки подводных мин на бортах. Но гнать офицерскую группу…

Первым был приглашен капитан-лейтенант Ветров. Сашка оглянулся на Андрея и сделал строгое лицо. Андрей хмыкнул и помахал другу рукой. Все вообще-то думали, что командовать группой поставят именно Ветра, но…

Сашка вышел через десять минут. По его лицу, как обычно, нельзя было прочитать ничего. Было у него такое умение – делать лицо, как у робота. Сашка поднял руку с вытянутым пальцем и повел им по коридору, как будто выбирая цель. Палец уткнулся в Андрея. По коридору пронесся облегченный выдох – офицеры от безделья валяли дурака.

Андрей усмехнулся, рывком открыл дверь и вошел в кабинет.

– Товарищ капитан второго ранга! Капитан-лейтенант Истомин по вашему приказанию прибыл!

– Садитесь, Истомин, – не отрываясь от бумаг, кивнул Ломашевский. – Капитан первого ранга Владимир Иванович Истомин ваш отец?

– Так точно, – бойко ответил Андрей. – А контр-адмирал Истомин мой пра-пра-прадед.

– Да? – приподнял бровь Ломашевский. – Любопытно…

– Простите, что любопытно? – не понял Андрей.

– То, что вы, кажется, не очень гордитесь таким предком?

– Никак нет, – возразил Андрей. – Горжусь. Надеюсь не посрамить честь рода!

– Надеюсь на то же, – с сомнением в голосе ответил капитан второго ранга. – Я ознакомился с вашими личными данными. Вы в самом деле по личной инициативе выучили испанский язык?

– Так точно, на спор!

– На что спорили? Надеюсь, приз был достоин перенесенных мук?

– Исключительно! Спорили на ящик немецкого пива.

Ломашевский пожевал губами. Во взгляде командира Андрей не заметил укора или неприязни. Скорее иронию, как по отношению к шаловливому ребенку. Андрею стало немного стыдно за свое ерничество.

– Bebíais cerveza uno? [5] – вдруг спросил Ломашевский.

– No. Con los compañeros, – машинально ответил ошарашенный Андрей. Потом он поднатужился и попытался ввер-

[5] Вы пили пиво один? (*исп.*)

нуть красивую фразу: – Bajo la luna en tierra [6].

Ломашевский одобрительно усмехнулся и откинулся на спинку кресла.

– Ладно, сойдет для сельской местности, – скривив губы в усмешке, сказал он. – Каков ваш опыт участия в спецоперациях? Помимо, конечно, обучения на курсах испанского языка.

Андрей решил, что показная удаль и лихачество могут повредить. Пора было переходить на серьезный деловой тон. Чуть помедлив, он стал перечислять:

– Принимал участие в военно-морских учениях «Сибриз». Совместно с экипажем морского тральщика «Железняков» демонстрировал элементы тактики морского спецназа.

Принимал участие в командно-штабном стратегическом учении «Редут-2000», проходившем под руководством министра обороны РФ. После вводной, что командир группы убит, лично отработал тактическую разработку операции боевых пловцов. Оценка, выставленная за учение, подтвердила, что командный пункт способен эффективно управлять силами военно-морского района в «боевых» условиях.

– А какую оценку выставило вам командование флотом?

– Операция оценена на «отлично», – скромно ответил Андрей. – В 2007 году совместно с бойцами 382-го отдельного батальона морской пехоты участвовал в международных

[6] Нет. С товарищами. Под луной на берегу (*исп.*).

учениях «Фарватер мира» и в учениях авиационно-космического спасательного комплекса «САРЕКС-МКС-2007» с участием специалистов России, США и Канады. А также в испытаниях нового артиллерийского комплекса «Берег». В 2008 году во время грузино-южноосетинского вооруженного конфликта принимал участие в десантной операции в рамках мероприятий по принуждению Грузии к миру.

– Принудили? – хмыкнул Ломашевский.

– Говорят, у Грузии был до этого военно-морской флот, – смиренно опустив глаза, сказал Андрей. – А так мы и мухи не обидим.

– Ваша личная заслуга?

– Ракетный катер «Диоскурия», бортовой номер 303, и сторожевик «Цхалтубо», бортовой – 101.

Гордиться было чем, потому как это были не учения, а настоящая боевая операция. Причем операция, по меркам военных действий, молниеносная, сокрушительная. В ходе этой нелепой войны военно-морским силам Грузии был нанесен настолько серьезный ущерб, что ее военный флот фактически перестал существовать как отдельный род войск. Тогда, в августе 2008 года, два грузинских корабля были потоплены, когда ВМС Грузии сдуру ввязались в морской бой с Черноморским флотом России. Несколько других кораблей грузинские экипажи увели на свою базу в Поти. Там и произошла эта лихая операция по уничтожению флота силами десанта и боевых пловцов. Всего в ходе конфликта грузин-

ская сторона потеряла 11 военных кораблей. Оставшиеся 7 катеров, в том числе 3 сторожевых катера, 2 малых десантных корабля и 2 десантных катера, были переданы в состав Береговой охраны МВД Грузии.

– Знаю, я один из инициаторов и разработчиков этой операции.

– Так вы из разведки флота? – догадался Андрей.

– Нет, из интендантского управления! – рыкнул капитана второго ранга, и Андрей понял, что шутки закончились. – Опыт ваш меня устраивает. Владение испанским языком делает вас в некоторой мере незаменимым членом группы. Ваша задача – обеспечение безопасности грузов, идущих южным путем, и принятие контрмер в случае диверсий и иных действий возможного противника. Груз – буровое оборудование, заводское газовое оборудование, специалисты «Газпрома». Доставка к месту назначения силами Севастопольской базы. Задача понятна?

– Так точно! Контрдиверсионная операция. Не исключено открытое нападение в нейтральных водах, а также имитация бандитского нападения в территориальных водах или порту назначения.

– Молодец, умеешь формулировать, а значит, видеть главное, – вдруг перешел на «ты» капитан. – Время на сборы три часа. Свободен!

Андрей вышел из кабинета и, ни на кого не глядя, отправился в казарму. Как и у любого военного подразделения, у

боевых пловцов была своя казарма на случай возникновения чрезвычайной ситуации. Несколько раз в год во время учений, а в августе 2008-го и во время скоротечного вооруженного конфликта, морской спецназ переводили на казарменное положение.

Балагур, весельчак и рубаха-парень, Андрей все же умудрился не прослыть заядлым нарушителем воинской дисциплины. Он умел вовремя останавливаться и сосредотачиваться на своей работе. Тем более сейчас, когда речь шла о серьезной операции в чужих водах.

Андрей опять вспомнил отца. Что бы тот сейчас сказал, как бы отнесся к полученному сыном приказу? Да однозначно! Андрей практически слышал ворчливый голос старого военного моряка, который вещал, что наступили страшные времена. Куда катится мир, куда катится страна! Офицеров военного флота направляют на защиту, на охрану каких-то бизнесменов. Как каких-то наемников! Где честь, где слава российского флота? И ладно бы какое-нибудь представительское посольство, ладно бы речь шла о заключении каких-нибудь государственных контрактов. Нет, эти бизнесмены отправляются качать чужую нефть. И они понимают, что могут получить по шапке. Именно для этого им нужна защита армии, флота, морского спецназа, возможно, и внешней разведки. Все продались денежным мешкам, которые уже управляют страной и ее вооруженными силами!

Андрей мысленно улыбнулся, идя по дорожке военного

городка и машинально отдавая честь встречным сослуживцам. Нет, папа, не нефть, а газ! Там газовые месторождения. Какая, к чертям, разница! Никакой, папа! Ты просто вспомни, что изучение полярных областей, кругосветные путешествия совершались военными судами, военными моряками. А цели? Цели были, если вдуматься, коммерческими! Гидрография, ледовая обстановка, дрейф ледовых полей, течения, северный морской путь. Ведь все это было нужно для торгового флота, для коммерсантов. И в «кругосветки» с военными моряками шли коммерсанты.

Андрей представил себе военные бриги и фрегаты с белой шапкой парусов, которые появлялись у чужих берегов. Как местные жители рассматривали в подзорные трубы флаги чужаков. Для чего нужно было идти в чужие порты, осваивать чужие земли? Да опять же для торговли, для расширения сферы влияния империи, в сущности, для политики. Торговля и политика всегда шли рука об руку.

Два года назад Андрей был в Москве и случайно попал в Ленком на «Юнону» и «Авось». Вот вам и пример! Калифорнийский форт Росс был русской колонией в Северной Америке. Колонией, организованной силами военных моряков, по сути, военной колонией, потому что приходилось и с испанцами конфликтовать, и нападения индейцев отражать. Но в то же время она была и коммерческим предприятием. И никак от этого не уйти. Флот – это сила! А коммерсанты… Коммерсанты всегда были для того, чтобы было на что хо-

дить в плавания, на что кормить и флот и страну.

Вот так-то папа! И интересно, что на это ответил бы отец? Вряд ли он согласился бы с этими доводами. Для него российский флот – это победы Ушакова, это слава Нахимова, это грохот пушек, это Андреевский флаг, который реет в пороховом дыму, это падающие мачты вражеских линкоров под русскими ядрами. И как ему объяснить, что мир меняется, точнее, он уже изменился. И все не так, как было раньше. И все не может быть таким, как раньше, иначе бы мир замер на месте… и умер бы.

А можно ли это объяснить? Тем более старику. Ведь самые большие мечтатели и фантазеры – это старики и дети. Дети – потому что у них все еще впереди, они еще только собираются вступить в жизнь. А старики? Старики живут прошлым, они думают о том, как бы можно было прожить жизнь заново, если бы такая возможность представилась. Сколько можно было бы сделать по-другому, скольких ошибок удалось бы избежать. Это ведь тоже мечты. И они такие же несбыточные, как и мечты пятилетнего ребенка. Так стоит ли сердиться? Может, надо быть снисходительнее к ним.

Андрей любил отца. Любил, потому что тот вырастил его после смерти мамы, любил, потому что уважал его заслуги, его жизнь, гордился им. А еще любил потому, что у них было очень много общего. И это несмотря на их различия – хмурую строгость старого капитана первого ранга и веселую

бесшабашность молодого капитан-лейтенанта.

Парагвай. Город Кампо-Сильва, департамент Альто-Парагвай

Пыльная улица уходила в сторону плато и сливалась там с чахлой растительностью, каменным крошевом и группой скал, которые топорщились, как гнилые зубы в стариковском рту. Городок вырос на месте поселения скотоводов и буровиков в пятидесятые годы, когда здесь обнаружили месторождения природного газа. Потом газ в недрах иссяк, скотоводы ушли дальше на запад, и Кампо-Сильва зачах. Здесь еще жили ремесленники, здесь еще изготавливали седла и упряжь для верховых лошадей, здесь ткали шерстяные ткани да раз в год собиралась большая ярмарка. Продавали скот, мясо, зерно. За счет этих ежегодных торгов городок еще и жил. Правда, была еще одна статья доходов – стилизованный квартал. В него входила гостиница, построенная в начале двадцатого века, магазин в щитовом длинном доме эпохи Гражданской войны 1811 года и кафе, построенное по типу хижин индейцев гуарани. В кафе была веранда и современная кровля из стилизованного под пучки соломы пластика. Но туристам это нравилось. Нравилась и дикая смесь архитектуры, и само кафе, и даже предлагаемая кухня.

Многие, особенно европейцы и североамериканцы, почему-то считают, что кухня Парагвая – это что-то крайне экзотическое. Туристы с большим удовольствием едут в сель-

ву, едут на плато Гран-Чако. Но они не подозревают, что тот туристический продукт, который им сбывают менеджеры, не более чем синтетическая культура пастухов гаучо, сложившаяся в XVIII–XIX веках. Что-то почерпнули у индейцев, что-то привезли с севера, что-то осталось в результате аргентинского и бразильского влияния. И все это под приправой испанского колониального влияния.

Эта культурная смесь особенно отразилась на специфической кухне, которую предлагают туристам. В Парагвае много дичи, и поэтому существует много разнообразных блюд из диких индюков и куропаток. Очень популярны бори-бори – большие фрикадельки из кукурузы или мяса, которые кладут в бульон, и гуизо – кусочки мяса с рисом. Из салатов довольно популярны фруктовые и салат из редиса. Пользуется спросом рыба, жаренная на решетке, курица в зеленом соусе. Хотя вообще-то жареное на огне мясо – продукт, типичный для гаучо, а отнюдь не гуарани.

С большим удивлением туристы узнают, что виноделие в Парагвае умерло, почти не зародившись. Те вина, которые производят здесь, – лишь аналог сортов, уже изобретенных в Европе. Правда, есть еще сапа – местная водка из сахарного тростника, – и тут уж возразить сложно, это действительно оригинальный продукт, не имеющий аналогов в мире.

Однако нельзя сказать, что в парагвайской кухне нет своих особенных черт. Взять хотя бы чай мате. В былые времена он применялся в качестве вспомогательного средства

при лечении ожирения, поскольку подавляет чувство голода и оказывает легкое слабительное действие. Изготавливается он из листьев вечнозеленого падуба парагвайского и обязательно заваривается в сосуде из местной тыквы-горлянки.

В этот ветреный холодный день человек с неопрятной седой бородой подъехал к La cafetería «Gaucho» на открытом «Виллисе» времен Второй мировой войны. Одет он был в некую смесь камуфляжа и специального рабочего костюма, так что по виду было сложно определить род его занятий. Однако в городке его, видимо, знали достаточно хорошо, потому что, когда человек поднялся на веранду, в кафе раздался легкий гул голосов:

– Эй, Герман! Давненько тебя не было видно…

– Герман, где пропадал, старина?

– Ну, что? Открыл новые месторождения?

Человек снисходительным взглядом обвел завсегдатаев из числа местных бездельников, которые начинали собираться в кафе часов с трех дня. Кто-то резался в карты, кто-то таращился в телевизор, по которому передавали запись последнего матча по футболу на кубок национальной лиги. Человек поправил зажатую под мышкой коричневую папку, плотно набитую бумагами, и подошел к стойке:

– Алонсо, плесни мне на два пальца вашей гадости.

Бармен улыбнулся и по привычке первым делом протер тряпкой поверхность стойки.

– Сколько ты сюда уже ходишь, Герман, – блестя зуба-

ми, сказал бармен, – столько ты и называешь сапу «ваша гадость». Ты все еще считаешь себя иностранцем?

– Я живу тут почти тридцать лет, – проворчал Герман. – Но к вашей водке никак не привыкну. Ты почему не возишь нормальную, европейскую? Русскую водку, к твоему сведению, уважают во всем мире. И ценят повыше собственных крепких напитков.

Бармен, улыбаясь, достал с полки бутылку, поставил на стойку стакан и налил туда местного напитка. Он, видимо, привык к постоянной болтовне Германа, к его манере всех поучать, к его назидательным речам.

– Немцы, которых тут много, и те предпочитают русскую водку, а не свой шнапс, – продолжал Герман.

– Шнапс, а что это?

– Это национальное немецкое виски, – попытался пошутить Герман.

– Ты ничего не смыслишь в коммерции, – вяло сказал бармен, продолжая этот разговор от безделья. – Я привезу твою водку, если найду ее в Асунсьоне, я заплачу за нее, как за французское марочное вино, а кому я ее буду продавать? Этим? – Бармен кивнул на бездельников. – Они ее покупать не будут, потому что им наплевать на вкус, послевкусие, букет и все прочее. Напиток должен бить в голову и быть дешевым – вот и вся их потребность. А туристам, которые приезжают сюда в сезон, водка не нужна. Ее они могут попробовать в больших городах и ресторанах дорогих отелей. Сюда

они едут пробовать сапу.

– Вот так всегда, – осушив стакан и поперхнувшись, сказал Герман. – Вот поэтому к вам цивилизация никак и не придет. Сумочки из панциря броненосца, ремни из крокодиловой кожи, которые скупают туристы, электроэнергия от огромной электростанции, которую забирает Бразилия, вот и все ваши богатства.

– Это не ко мне, – пожал плечами бармен, – это к правительству. У меня свое дело, а на остальное мне наплевать. А сам-то ты чего тут живешь? Возвращался бы в свою Россию. Теперь, наверное, можно, теперь там нет коммунистов, и тебя простят за побег.

– Я не бежал, я просто остался здесь. Плесни-ка мне еще! – угрюмо сказал Герман. – И у меня есть тут дело, товар. Просто он не нашел еще своего покупателя.

– Знаю, ты все пытаешься продать какой-нибудь компании свои данные о залежах природных ископаемых? Только я скажу тебе, Герман, что ты все делаешь не так. Так, как ты, не продают. Товар надо преподнести, показать его достоинства. Нужна реклама, нужно определиться с потребительской нишей. А ты? Ты мотаешься по округе и пьешь с безденежными буровыми мастерами. А безденежные они потому, что буровых вышек здесь нет уже лет сорок. Ты должен общаться с чиновниками из министерства, ты должен выйти на директоров компаний. Ты должен хотя бы купить себе приличный костюм.

– Чушь, бредни мелкого капиталиста, – проворчал Герман, опрокидывая стакан. – Товар – он и есть товар. Если он стоит денег, то я могу его продать хоть в трусах. Зачем месяц назад приезжали горные мастера из Венесуэлы? А? Не знаешь? А чего тут три джипа мотаются с американскими флажками на капотах? Дураков на свете нет, а специалисты знают, что должно тут быть, а чего не должно. А тут и я со своими данными! Как?

– Так чего ты здесь сидишь, если иностранные специалисты мотаются по долине? Что, твой древний «Виллис» подвел?

– Я инженер, хоть и геолог, – начиная пьянеть, сказал Герман. – А машина моя хорошая, работает как часы.

– Время показывает? – хохотнул бармен.

Севастополь. Главная черноморская база ВМФ России

Ракетный крейсер «Саратов» готовился к отплытию. Командир группы морского спецназа капитан первого ранга Ломашевский разрешил своим подчиненным увольнение в город до шестнадцати часов. Перед такой серьезной и секретной операцией покидать базу спецназовцам не стоило, но командир здраво рассудил, что все офицеры – люди серьезные, а небольшой отдых, посещение кафе на набережной, мороженое и девичьи улыбки не помешают. Скорее наоборот, позволят немного расслабиться и не нагнетать внутреннее напряжение раньше времени. В течение двухнедельного

перехода он еще успеет замучить личный состав тренировками и вводными.

Андрей сидел на столе в бытовой комнате и торопил Сашку, который заканчивал выскабливать подбородок станком, и, насвистывая, любовался носком идеально надраенного форменного ботинка.

– А ты второй раз звонил? – не удержался от вопроса Андрей.

– Естественно, – промычал, вытягивая нижнюю губу и тщательно водя бритвой, Сашка. – И позвонил, и подтвердил время свидания. И то, что ты будешь тоже.

– А она?

– Обрадовалась, – коротко ответил Сашка.

– А подробнее нельзя? – брюзгливо спросил Андрей. – Что ты все уставным языком разговариваешь? Да, нет, так точно! Что сказала, как обрадовалась?

– Ты как десятиклассник перед первым свиданием, – рассмеялся Сашка, промывая бритву горячей водой. – Что это там за красавица такая, что у тебя свербит в одном месте? Мне Ольга ничего не рассказывала про подружку. Просто сказала, что возьмет с собой, и все.

– Ты просто не представляешь, – угрюмо и с затаенной страстью проговорил Андрей. – Чернобровая, с толстой косой. Настоящая хохлушка. Ты вот скажи мне, где самые красивые девушки?

– В Новосибирске, – тут же ответил Сашка, нанося на ли-

цо бальзам после бритья.

– Нет, не обязательно, – недовольно отмахнулся Андрей. – Все не так! Я вот в Беларуси был: там они с правильными чертами лица, милые, но как-то не бросаются в глаза. У нас наоборот. Что в Новосибирске, что в Самаре, идешь по улице, а они чередой перед тобой, и одна другой краше. А вот с украинками дело другое. У них красивые встречаются в общей массе реже, но зато если встретилась, так глаз не оторвешь. Это такая яркая красота, почти лубочная. Вот и Ирка такая же!

– Ладно, теоретик, я готов. Пошли?

– Пошли!

Андрей встал со стола. Поправив галстук на форменной рубашке, он чуть сдвинул фуражку набок и подмигнул себе в зеркале. К штурму новых бастионов он был готов. Правда, отец просил зайти во Владимирский собор. Кстати, можно и зайти, а заодно рассказать, что контр-адмирал Истомин – его предок. Можно еще рассказать про оборону Севастополя, во время которой тот погиб, но… Андрей понял, что слишком мало у него в голове информации. Нет, он, конечно, с детства много чего о том времени слышал и читал, но связно воспроизвести это сейчас, пожалуй, не смог бы.

Весело переговариваясь и предвкушая приятное свидание, они вышли к КПП. Предъявив удостоверения личности, друзья прошли мимо дежурного, когда Андрей вдруг замер на месте. Потом, схватив Сашку за локоть, поволок в сто-

рону от двери. За окном на улице стояла и разговаривала с Володькой Орловым Елена. Та самая Елена, которая звонила домой и разговаривала с отцом. Та самая, с которой они должны были встретиться, но он так и не собрался. И теперь она здесь, в Севастополе. И ждет его! Иначе с какой стати ей торчать возле контрольно-пропускного пункта.

– Ты чего? – понизив голос, тревожно спросил Сашка.

– Там, – кивнул Андрей головой, – вон, гляди!

– Чего? Орел с девчонкой. Ты ее знаешь, что ли?

– Она специально из Новороссийска сюда приехала, каким-то чертом узнав, что и мы будем здесь. Кто-то из наших проболтался! Дьявол! Я и так, и эдак от нее прячусь. Думал, сама догадается.

– Ну, ты даешь, – укоризненно проворчал Сашка. – А серьезно поговорить нельзя было, объяснить все? Или она… от тебя…

– Типун тебе на язык! Это Вовка проболтался, не иначе. Он же меня с ней познакомил, мог и сказать, что мы в Севастополь идем. Слушай! Догони, спроси, а? А я тебя тут подожду.

– Ох, беда с тобой, – вздохнул Сашка. – И когда ты повзрослеешь? Если б я тебя в боевой обстановке не видел, подумал бы, что в кулинарном техникуме преподаешь. И от студенток бегаешь, с которыми нашкодить успел.

– Ничего я не бегаю! Я просто с Иркой хотел… А тут теперь…

– Ладно, герой! Стой здесь, я сейчас.

Андрей, прикусив губу, смотрел на Елену. Судя по всему, из-за этого ее поступка их отношениям придет окончательный конец. Ишь! Додумалась. Он стоял и смотрел, как уходит Вовка Орлов, как выскочил Сашка и, придерживая фуражку, побежал догонять Орла. Хорошо, что он с Еленой не знаком. Вот, догнал. Орел, гад, что-то говорит и ржет на всю улицу. Точно, он ей все рассказал!

В окно было видно, как возвращается Сашка. Вот он прошел мимо Елены, приподнял фуражку и ехидно раскланялся с ней. Елена посмотрела на него, как на идиота. Сашка вошел и ехидно посмотрел на друга.

– Хана тебе, Дон Педро Хуан! Она еще дома Вовчика о тебе пытала. А он ей брякнул, что мы в Севастополь идем. Она на набережной путевку купила однодневную и сюда. Тебе просто повезло, что она не знает, куда и кому звонить, а то к тебе бы давно уже посыльный матросик прибежал. Вовка молодец: сказал, что ему некогда, что его командир послал в городской ресторан договориться о банкете.

– Молодец! Прямо друг до гроба! И что теперь делать?

– А ничего, – пожал плечами Сашка. – Пошли назад. Лимонада и пепси-колы можно попить и здесь, не выходя в город. Покатаем шары на бильярде, у пирса искупаемся. Крабов половим.

– А свидание? – обреченно спросил Андрей, испытывая благодарность к другу за то, что он не бросает его в трудную

минуту.

– Позвоню. Скажу, что пока не можем выйти с базы. Служба, одним словом. Скажу, что потом перезвоню.

– Санек, – проникновенно сказал Андрей. – Ты настоящий друг!

– А то! – солидно кивнул Сашка. – Я и сам так считаю!

Капитан первого ранга Ломашевский с момента выхода из Новороссийска на «сторожевике», переправившем его с группой в Севастополь, не имел ни минуты свободного времени. Почти постоянно он получал какую-то информацию, в том числе и синоптические карты юго-западной части Атлантики, постоянно с кем-то разговаривал по радиосвязи со «сторожевика», а потом из штаба флота ЗАС-связи [7]. То с командиром РК «Саратов», то с начальником вооружения базы, то с начальником тыла.

Двоих своих подчиненных – капитан-лейтенанта Истомина и капитан-лейтенанта Ветрова – Ломашевский, к огромному своему удивлению, увидел в холле клуба офицерского общежития. Оба офицера были одеты не в повседневную флотскую форму, а в камуфляж. А еще они самозабвенно резались в бильярд. Меньше всего Ломашевский ожидал увидеть сейчас на территории базы именно Истомина и его дру-

[7] ЗАС – Засекречивающая Аппаратура Связи. Аппаратура, которая автоматически зашифровывает и расшифровывает информацию в процессе ее передачи и приема. Аппаратура ЗАС позволяет зашифровывать не только телеграфные передачи, фототелеграфные изображения, импульсную информацию, но и телефонные (голосовые) переговоры.

га Ветрова. На стуле валялась большая дорожная сумка, из которой торчали черные ласты. Значит, эта парочка успела где-то искупаться и понырять на территории базы. Ну-ну!

Парагвай. Город Фуэрте-Олимпо – административный центр департамента Альто-Парагвай

Николас Вудвин был человеком терпимым. Он не считал неполноценными людьми индейцев гуарани или эскимосов Гренландии. Не считал, но тем не менее всегда приятно удивлялся, когда кто-то из представителей национальных меньшинств вдруг проявлял себя в политике, науке, административной деятельности. Удивился он и тому факту, что правительство Парагвая приняло мудрое решение, объединив в 1992 году департамент Чако с департаментом Альто-Парагвай. Этим они не только воссоздали территорию департамента Олимпо в границах до 1945 года, но и объединили под одним управлением обширную территорию, на которой расположено несколько национальных парков. Каждый имел свои особенности, требовал специфического внимания и специфического отношения.

По пути в Фуэрте-Олимпо Вудвин проезжал через Дефенсорес-дель-Чако – крупнейший национальный парк Парагвая, где находится холм Серро-Леон – самая высокая точка в северной части страны. Этот парк называют еще «страной кактусов». Его сухой климат является оптимальным для этого растения. А где-то рядом был еще и Рио-Негор с несколь-

кими небольшими озерами, где обитала большая часть фауны Альто-Парагвая.

Именно здесь, на Плато Чако, земля и раскрыла свои несметные кладовые, которые посчастливилось найти местным геологам. Вот незадача! И как это проворонили другие страны, как не поняли, что именно в Парагвае могут оказаться чуть ли не самые крупные месторождения сланцевого газа? Нет, нельзя допустить, чтобы нищий Парагвай вдруг вышел на международную арену как крупный поставщик.

Вудвин сидел у окна в глубоком кресле и прикрывался развернутыми страницами популярного бразильского издания Globo. Это был кабинет заместителя главы департамента, который был вправе разрешить или запретить начало буровых работ на своей территории. Можно было, конечно, отправиться в Асунсьон и получить разрешение там. Но что касается таких стран, как Парагвай, Вудвина всегда начинали одолевать сомнения, что бюрократическую систему так просто обойти. А уж тем более, если к запрету приложил руку именно он – Николас Вудвин. Сейчас ему, как представителю ЦРУ, не было нужно, чтобы именно данная нефтегазодобывающая компания начала здесь буровые работы. Именно потому, что она имела контракт с российским «Газпромом», и потому, что она ждала прибытия соответствующего оборудования и специалистов из России.

Полковник Вудвин прислушивался к разговору представителя компании с чиновником, как вдруг его внимание при-

влекла информация в газете:

«Российское агентство РИА Новости распространило информацию, что МИД России рекомендует своим гражданам временно воздержаться от поездок в республику Парагвай из-за обострения внутриполитической обстановки в этой стране. Аналогичная информация размещена и на сайте внешнеполитического ведомства России» .

Вудвин подумал, что этот факт может сыграть в его пользу. Напряженная обстановка, некие акции против российских специалистов. Почему бы и нет? Где-то в окна правительственных зданий летят камни, а где-то сжигают буровую установку.

«Резкое обострение обстановки в Парагвае вызвано отстранением от должности главы республики Фернандо Арминдо Луго Мендеса в минувшую пятницу решением парламента в связи с ненадлежащим исполнением им своих обязанностей. В частности, это связано с гибелью 17 человек в ходе столкновений полиции и крестьян 15 июня. Вице-президент Парагвая, 49-летний Федерико Франко, уже приступил к временному исполнению обязанностей главы государства на период до апреля будущего года, когда в Парагвае пройдут всеобщие выборы. Столкновения, ставшие причиной принятых мер против президента Фернандо Луго и приведшие к отставке главы МВД страны, произошли 15 июня в районе города Куругуату, в департаменте Канендию на юго-востоке страны, между безземельными крестьянами и си-

лами правопорядка. Погибли 17 человек, около 100 получили ранения»

Вудвин решил, что это на пользу. Всегда есть сторонники действующего главы государства, будущего главы, на которого делаются ставки, и предыдущего, чей уход нежелателен. И если кто-то усомнится, что акция против российских специалистов не просто проявление хулиганства бунтующей толпы, то всегда можно свалить вину на внутриполитические дрязги и борьбу политических группировок. Сторонники того же Луго, например, могут предпринять такие меры, чтобы навредить политике Франко и его сторонников.

Солано Флорес был старым и опытным чиновником, и Вудвин мысленно ему аплодировал. Читая газету, разведчик практически ни на секунду не упускал нить разговора между чиновником и производственником. Флорес стоял насмерть и не ответил практически ни на один вопрос представителя нефтегазодобывающей компании Карлоса Орибо. В конце концов, взбешенный Орибо вышел, громко хлопнув дверью.

Вудвин сложил газету и развернулся вместе с креслом к хозяину кабинета.

– У вас, Флорес, просто талант какой-то, – сказал американец с одобряющей усмешкой. – Вы умудрились выкрутиться, так ничего и не сказав.

– А разве не этого вы от меня хотели? – вытирая пот со лба, спросил парагваец. – Кажется, именно так вы меня и инструктировали.

– Ну, не совсем так, но в принципе вы блестяще справились со своей ролью. Теперь давайте обсудим наши дальнейшие шаги. Итак, вы по-прежнему играете роль неприступной скалы. Если у вашего начальства возникнут вопросы, советую запастись какой-нибудь перепиской с соответствующим ведомством в Асунсьоне, откуда было бы понятно, что буровики выпрашивают у вас охраняемые территории. Этот вопрос в компетенции правительства Республики, а не департамента. Второе: когда сюда прибудут русские специалисты…

– Как? – удивился Флорес.

– Да-да, если прибудут русские специалисты! Неужели вы думаете, мой дорогой друг, что мы станем взрывать, убивать, топить корабли? Мы ведем политическую игру, но преступать международные законы мы не намерены. Неужели вы могли подумать…

– Что вы! – успокоился чиновник. – Просто, насколько я вас понял, русские сюда не прибудут ни при каких обстоятельствах.

Вудвин рассмеялся и почти по-родственному потрепал чиновника по щеке. Он выглядел так добродушно, что заподозрить его в кровожадности и лжи было просто невозможно.

– Это просто желаемое, Флорес, горячо желаемое, и не более. Русские могут просто заплатить на порядок больше, чем мы. И гораздо большему количеству чиновников, кото-

рые все решают. Вы откажете им, если они заплатят вам в десять раз больше, чем я?

Флорес смутился и забегал глазами по кабинету. Вудвин смотрел на него с умилением:

– Ну, ладно! Не буду смущать вас вопросами, Флорес. Хотя и так понятно, что каждый разумный человек будет работать на того, кто платит больше. Это нормально. К термину «вероломство» это никакого отношения не имеет. Уверяю вас в этом, как добрый и искренний друг. – Флорес охотно закивал головой, но по его глазам было хорошо видно, что он не очень-то поверил в слова собеседника. Он явно боялся Вудвина.

Распрощавшись с чиновником Департамента и оставив на его столе упругий конверт с долларами, Вудвин бодро вышел из здания на улицу. Времени оставалось мало, а дел предстояло сделать много. Николас Вудвин не любил, когда в процессе важной и сложной операции узловые моменты проходят мимо его внимания. Самый важный инструктаж он всегда проводил лично, лично разрабатывал самые важные этапы операции или, по крайней мере, участвовал в разработке. Если что-то не удавалось сделать самому, полковник все равно продолжал контролировать исполнение до самого конца.

Следующее дело, которое ждало Вудвина, мог сделать только местный резидент. Кларк неплохо знал людей. У него была обширная агентурная сеть по всей стране и во всех слоях общества. Флореса порекомендовал именно Кларк. Найти

самых отъявленных подонков тоже мог только Кларк. Кларку было сподручнее разговаривать с ними, нежели самому Вудвину. Но полковник хотел сам присутствовать при инструктаже. Хотя бы незримо.

Дорожная заправка с магазином и кафе на дороге между Фуэрте-Олимпо и Кампо-Сильва была собственностью ЦРУ, приобретенной через подставных несуществующих лиц. Она была оборудована таким образом, чтобы агент мог в любой момент прибыть и получить любую помощь, включая спутниковую связь. Здесь можно было изменить внешность, укрыться на долгое время, получить новые документы, снаряжение, оперативное оборудование. Это была база с кодовым названием «База 6».

Были здесь и специфические помещения. Как, например, изолированная комната с зеркалом, вмонтированным в стену. Если смотреть в него из другой комнаты, оно было прозрачным и позволяло видеть все происходящее по ту сторону, вплоть до мельчайших деталей. И не просто видеть, но при этом записывать звук и изображение.

Вудвин приехал с опозданием на три минуты. Профессиональная этика предполагала, чтобы он не звонил и не просил отсрочить начало встречи из-за возможной задержки. Не стоило обижать Кларка недоверием. Когда полковник вошел во вторую комнату, беседа за стеклом уже шла. Оператор, кивнув шефу, поправил наушники и снова принялся следить за приборами. Кларк сидел на столе, положив ногу на но-

гу, и курил сигару. Перед ним, развалившись на стуле, сидел смуглый человек. Одет гость был вполне прилично и даже дорого, но манеры, жестикуляция выдавали его.

Во-первых, он был лидером, хорошим организатором. Был он жесток, отличался сильным характером и наверняка был малочувствителен к боли. За плечами у него, по всей видимости, была как минимум одна судимость. И судя по всему, он участвовал во всех заварушках и конфликтах в стране за последние тридцать лет. На вид ему было под пятьдесят, и выглядел он типичным наемником и бандитом.

Вудвин заметил, что человек крутит в руках брелок со стилизованной нацистской символикой. Из этого стало понятно, что до 1989 года, пока у власти находился генерал Стресснер [8], он был активным сторонником диктатора.

– Ваша задача, Альяно, – говорил Кларк с видом человека, инструктирующего посыльного в типографии, – встретить объект в море и предпринять все доступные вам меры, чтобы он не дошел до устья Параны.

– Ничего, – кивнул с довольным видом парагваец, – у меня найдутся средства, чтобы этого не допустить. Деньги вы

[8] Альфредо Стресснер родился в Парагвае в 1912 году в семье баварского эмигранта Гуго Стресснера. Мать Эриберта считалась националисткой. Существует мнение, что быстрый подъем по служебной лестнице в Парагвайской армии происходил не без помощи влиятельных лидеров немецкой колонии. Стресснер стал самым молодым генералом в истории национальной армии. К 1946 году Стресснер уже служил в Генеральном штабе. Исследователи полагают, что он оказывал непосредственную помощь нацистам, бежавшим в 1945 году из Германии и тайно прибывавшим в Парагвай.

должны уже завтра перевести на три счета, которые я вам укажу.

– И еще, Альяно, – Кларк встал со стола и прошелся по комнате. – Это русские. Вы отдаете себе в этом отчет?

– И что? Не вижу принципиальной разницы. Если вы намекаете, что они настроены серьезно, что они догадываются о возможной акции с нашей стороны и могут подготовиться к ней, то вы зря беспокоитесь. За те деньги, которые вы мне заплатите, я в состоянии набрать профессионалов очень хорошего уровня. Много их еще шатается по столице и ее окрестностям без дела. Многих я знаю лично по совместным операциям, многие проходили подготовку за границей. В частности – в Аргентине.

– Хорошо, – кивнул Кларк. – Теперь второй этап. Не хочу вас обижать, Альяно, но возможно, что ваша операция на море не принесет ожидаемого результата. Возможно, наши противники попадут в Гран-Чако иным путем. Будьте готовы к определенным действиям и на суше, на севере страны…

Глава 3

Парагвай. Город Кампо-Сильва, департамент Альто-Парагвай

Пыльный внедорожник остановился возле Гранд-отеля. Девушка в синих пропыленных шортах и высоких желтых военных ботинках спрыгнула на тротуар. С заднего сиденья неторопливо выбрался Карлос Орибо.

– Вы уверены, что вам больше не нужна моя помощь, Луиза? – вежливо спросил парагваец.

– Нет, спасибо, Карлос. – Девушка вытащила из салона большую сумку и перекинула ее через плечо. – Значит, вы говорите, что местное руководство Департамента ставит рогатки? Ну, ничего, я постараюсь что-нибудь выяснить через наше посольство. А лабораторные анализы образцов вы все-таки сделайте.

Орибо кивнул без улыбки и дождался, когда американка войдет в двери самого шикарного в городе отеля. Правда, по столичным меркам, на шикарный он просто не тянул. Закурив коричневую тонкую сигару, Орибо неторопливо и както недовольно влез на переднее сиденье. Машина развернулась и двинулась в северо-восточном направлении, к выезду из города.

Через час Луиза Уитнер, представитель частной нефтегазодобывающей компании «Биллингс Петролиум», в свет-

лом шерстяном костюме, с аккуратно уложенными светлыми волосами, вышла из отеля и направилась в сторону национального квартала к кафе «Гаучо». День клонился к закату, и на улицах этого провинциального городка стали появляться местные жители. Преимущественно это была молодежь без определенных занятий. Американка решила не искушать судьбу и внять предупреждениям администратора отеля. Она ступила на край тротуара и подняла руку.

Девушка тут же вспомнила, что в Парагвае не принято ловить машину на дороге. Но возвращаться к отелю, где на стоянке она видела несколько такси, было поздно. К обочине по мощенной камнем дороге повернул запыленный «Мерседес» 90-го года выпуска. Молодой смуглый парень подмигнул ей, приглашая сесть в машину. Луиза разозлилась на себя, но решила, что не стоит устраивать сцен и объяснять аборигену, что она ждет именно такси, а не любую машину. Она и так уже опаздывала на встречу.

Обойдя машину, она села с правой стороны на заднее сиденье.

– Кафе «Гаучо», пожалуйста, – вежливо, но холодно попросила она водителя.

Парень, повернувшись к ней всем корпусом, некоторое время разглядывал пассажирку откровенным взглядом.

– Может, покатаемся? – предложил он и недвусмысленно подмигнул.

Луиза сразу отметила, что во взгляде этого типа не бы-

ло столько похоти, сколько он пытался продемонстрировать. Слишком внимательно он пробежался взглядом по ее костюму, сумочке. Профессионально пробежался, оценивающе.

Девушка неторопливо открыла сумочку, вытащила пачку «Мальборо» и демонстративно закурила. Зажигалку она небрежно бросила назад, а потом выдохнула струю дыма парню в лицо.

– Или ты меня везешь, и я плачу тебе деньги, – недобро прищурив глаза, сказала она, – или ты остаток дней проведешь в тюрьме, проклиная нашу встречу.

Парень изменился в лице. Американские сигареты и дорогая зажигалка произвели должный эффект. Он сообразил, что это не просто туристка, искательница приключений, а деловая американка. Желание связываться с ней у него пропало. Не включая поворотников, парень рванул машину и влился в середину потока. Луиза затянулась сигаретой и еле удержалась от того, чтобы невольно не схватиться другой рукой за ручку двери. Что такое правила дорожного движения, тут, видимо, знали весьма условно.

Стуча каблуками по деревянному настилу веранды кафе, Луиза Уитнер подошла к двери заведения. Сегодня в «Гаучо» было многолюдно. То ли холодная погода была тому виной, то ли наплыв туристов в город был слишком большим. Девушка пробежалась взглядом по рядам столиков. Да, местных мало. Эти, с европейскими лицами, не иначе местные бедные студенты или какие-нибудь волонтеры. А вон те по-

хожи на русских. Только русские пьют так, что их видно и слышно даже за пределами заведения. И обязательно начинают петь.

Нужный ей человек сидел в углу в одиночестве. Его седая неопрятная борода топорщилась, а стекла очков как-то вызывающе блестели. Злится старик, недоволен. Интересно, а не подослан ли он какой-нибудь спецслужбой. То, что он прожил тут десятки лет, еще ни о чем не говорит. Купить можно любого человека, а уж человека с ограниченным достатком – тем более.

– Мистер Орешкин? – с трудом выговаривая на английском русскую фамилию, спросила Луиза.

– А? Да, Орешкин, – закивал старик. – Я Герман Орешкин.

Луиза, не дожидаясь приглашения, уселась за столик на свободный стул и закинула ногу на ногу.

– Я представитель «Биллингс Петролиум», – начала она. – Вы, мистер Орешкин, сказали нашему сотруднику, что можете предложить какие-то ценные данные геологического характера? Я слушаю вас.

– Вы слишком молоды, – так же по-английски, но с местным акцентом, ответил старик. – Вы уполномочены провести со мной встречу?

– Так вы намерены что-то предложить или я проделала путь напрасно? – холодно осведомилась девушка.

– Да-да! – поспешно ответил старик и отхлебнул из стака-

на прозрачную жидкость. – Я это просто так. У меня на родине важность занимаемого поста зависит от возраста. Молодежь там не продвигают. Знаете, как у нас говорят? Старикам везде у нас дорога, старикам везде у нас почет.

– Кажется, вы немного переврали эту фразу, – с сомнением ответила американка. – А еще вы, кажется, многое забыли о вашей родине. Среди руководителей ваших фирм, с которыми мы имеем партнерские отношения, очень много молодых перспективных людей. По-моему, вы клевещете на свою родину.

– Родину? – Старик вдруг приуныл и шмыгнул носом. – А что у меня осталось от нее? Вы знаете, как я тут оказался?

Неожиданно Луиза поняла, что русский сильно пьян. Можно было встать и уйти, но кто знает, а вдруг в руках этого спившегося человека в самом деле важная информация? Стоит потратить немного времени и попытаться поддержать разговор.

– Я был молод и глуп, – продолжал Герман. – Как только появилась возможность остаться тут, как только меня поманили контрактом, я сразу и клюнул. Это было начало восьмидесятых. Вы знаете, что было в нашей стране в начале восьмидесятых?

– Знаю, – ответила Луиза. – Умер генсек Брежнев.

– Во-от! Умер Брежнев! Это конец целой эпохи, это конец многого, в том числе и спокойной бездумной жизни. Все перепугались, все ждали быстрых перемен, и никто не мог га-

рантировать, что они будут в лучшую сторону. Мы работали тут по приглашению правительства и должны были уже уезжать. Я клюнул на предложение местной компании и остался. Мне сделали вид на жительство, я получил паспорт. Только компания скоро разорилась. Но я не сидел сложа руки все эти годы. Вы видели на улице «Виллис»?

– Это ваша машина? – Девушка удивленно приподняла бровь. – Зрелище печальное.

– Я собрал ее своим руками! И это лучший вездеход в округе. На нем я объездил все плато, два департамента. И результаты моих личных, никем не оплаченных командировок стоят теперь дорого. Это целая папка с описаниями, картографическими материалами, химическим анализом. Я могу рассказать такое о местных недрах, что это в состоянии перевернуть экономику страны с ног на голову. И не только экономику Парагвая. Тут такие залежи, что соседи от зависти удавятся.

– Вы говорите о месторождениях сланцевого газа? – с жалостью спросила Луиза.

– Да! – громким шепотом ответил старик и воровато оглянулся по сторонам. – А вы, я вижу, догадываетесь. Поняли уже, что это очень богатые месторождения. То-то! И все данные у меня. Хоть завтра выходи и забивай колышки на месте будущих буровых вышек.

Девушка улыбнулась и отвела глаза. Стало понятно, что этот старый геолог давно уже оторвался от реального мира.

Возможно, что у него нет дома телевизора, что он не читает газет, давно не общался с коллегами. Он даже не знает, что эти месторождения уже открыты, что из-за них тут назревает настоящая «газовая война». Что в атаку собираются идти экономики не только Парагвая, Венесуэлы, Боливии, Бразилии. В борьбу за них включились США и Россия.

Сказать ему, что он опоздал? Луизе стало жалко этого старого, запутавшегося человека, который так исковеркал свою жизнь. Ценность его материалов теперь очень невелика. И даже если поверить в его результаты и не проводить ряд исследований, то это лишь уточняющие материалы, не более. И какая компания решится принять эти данные без проверки? Бедный старик.

– Вы хорошая девушка, серьезная, – вдруг улыбнулся Орешкин, махнув рукой. – Эх, мне бы лет тридцать… Ты, девушка, еще вот что скажи своему начальству. Тут дележка начинается. Я старый человек, я сразу это понял, по тому, как и кто со мной разговаривает. Большие события наступают. Сейчас полезут все, у кого есть деньги и кто захочет положить Парагвай в карман.

Луиза удивленно смотрела на русского. Старик оказался не так глуп, как показалось с самого начала. Или он в самом деле что-то знал?

– Я скажу, что сейчас начнется. Ваши, американцы, не захотят пустить сюда Россию. А Россия не захочет пустить Америку. И каждый будет вредить другому. Про местных я

не говорю, они будут петь под наши дудки и под ваши. Вы только не попадитесь на всяких диверсиях.

– Вы знаете что-то конкретное? – насторожилась Луиза.

– Я много чего знаю. Ты поторопись с докладом своему начальству. Я долго ждать не буду: не вам, так другим продам свои материалы. Имей это в виду, девушка!

А вот это было уже серьезно. Луиза понимала, что зачастую самый неприметный человек, особенно специалист в своей отрасли, если он умеет слушать и видеть, может поделиться довольно интересными наблюдениями. А уж выводы делать специалистам.

Мурманский морской торговый порт. Борт сухогруза «Архангельск»

Капитан Топилин нервничал, сидя за столом в своей каюте. Ничего не предвещало, что этот рейс станет каким-то особенным. Обычный груз, обычный маршрут. Ну, геологическое и заводское оборудование, ну, аппаратура. Ну, Парагвай, и что? Но за несколько часов перед выходом, когда погрузка фактически уже завершилась, к капитану поднялся по трапу некий человек.

Николай Николаевич Топилин ходил в море уже лет тридцать, и со стороны собственников компании нареканий никогда не было. Был капитан скрупулезен во всех вопросах, касающихся своей профессии. Моряки хоть и считали Топи-

лина немного занудой, но уважали безмерно. Причиной тому было еще и морское суеверие. Никто не мог вспомнить, чтобы судно под командованием Топилина хоть раз село на мель, чтобы на его борту случился пожар, чтобы с кем-то из экипажа во время рейса случился несчастный случай. Такая вера дорого стоит, и за это капитану прощали многое. Даже излишнюю требовательность, придирки. Иными словами, с Топилиным в море ходили с удовольствием и большим желанием. И владельцы верили ему как себе, а то и больше.

И тут явился визитер. И не просто, а со зловещим предупреждением.

– Николай Николаевич? – Человек практически беззвучно вырос в дверном проеме.

Даже скрипучая дверь, петли которой перед рейсом еще и смазать не успели, и та не издала ни звука. Топилин даже моргнул, чтобы понять, что визитер ему не мерещится. Хотя вахтенный доложил, что к нему гость.

– Да, слушаю вас? – сухо сказал капитан.

– С вашего разрешения я сяду, – улыбнулся человек. – Потому что разговор у нас будет серьезный. Представлюсь – полковник Востряков, военная разведка.

– Что? – сразу набычился капитан, который был наслышан, как вели себя в советские времена офицеры КГБ на гражданском флоте. – Извольте объясниться!

– Ну, разумеется, – улыбнулся полковник и посмотрел на часы. – Разумеется, вам все объяснят.

Звонок мобильного телефона прервал неловкую паузу в разговоре. Капитан глянул на высветившийся номер абонента и нахмурился еще больше. Это был номер генерального директора компании-судовладельца.

– Николай Николаевич, – быстро заговорил в трубке уверенный голос генерального, – там к тебе сейчас поднимется один человек, его фамилия Востряков. Он из государственной конторы. Дело серьезное, поэтому ты его выслушай и поступай во время рейса так, как он скажет. Я в курсе событий, поэтому можешь не дергаться по мелочам. И еще. Ты не переживай, время такое. Все будет хорошо. И судно твое, и экипаж будут в полной безопасности. Главное, слушайся полковника. Все, давай, успехов тебе и семь футов под килем.

Короткие гудки в трубке не успокоили опытного капитана, а, наоборот, зазвучали, как тревожное предупреждение. Как-то все через задницу делается у нынешних руководителей! Старый моряк в конторе никогда бы так не поступил. Начальник из своих всегда бы приехал сам, прислал бы своего представителя с этим полковником. Более того, капитана бы вызвали в контору и там бы все вежливо объяснили, причем не сейчас, а еще вчера. А тут? Звонок раздался, когда этот полковник уже сидит в кресле напротив и нехорошо улыбается. Это даже не неуважение, а глупость какая-то.

– Я слушаю вас, – снова повторил Топилин, но только более угрюмым голосом.

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул гость и улыбнулся обезоруживающей улыбкой. – Извините, Николай Николаевич, что все так спонтанно. Тут ни нашей вины, ни вины вашего руководства нет. Просто ситуация меняется очень быстро. Ничего не поделаешь – приходится как-то подстраиваться.

– Какое отношение имеет разведка к моему рейсу? – немного смягчившись, но все же неприязненно спросил капитан.

– Еще раз прошу извинить, но я не совсем точно выразился. Я капитан первого ранга и представляю разведку Главного штаба ВМФ. Так что мы с вами почти коллеги. Теперь о ситуации. Судно может находиться в некоторой опасности в нейтральных водах. А может, и в территориальных водах южноамериканских государств, через которые вам придется идти. Речь идет не о военных действиях, а о возможном нападении… бандитов, если уж говорить точно.

– Смысл? – удивился Топилин. – У нас что, пиратство распространилось уже и в Южной Атлантике?

– Это не пираты, это, как бы вам объяснить, наемники, те же самые бандиты, но представляют они определенные деловые круги. Цель проста, это не захват груза с целью его выгодной реализации на черном рынке. Это попытка помешать работе российских специалистов в освоении вновь открытых газовых месторождений Парагвая.

– Вот теперь понятно, – весь подобрался капитан. – Зна-

чит надо ждать атаки в море?

– Не знаю. Возможно, что и в море. А может, и в порту. Не исключены и другие варианты развития событий. Например, проблемы с таможенной службой и арест судна и его экипажа. Вы человек опытный, через многое прошли. Мы надеемся, что вы сориентируетесь в случае конфликта с властями. Консульство мы подключим, если нужно. А вот для обеспечения физической безопасности в море вы примете на борт группу морского спецназа. Распоряжения командира группы вам придется выполнять беспрекословно, но уверяю вас, что это знающий, опытный и умный командир. Запомните код для связи с моим ведомством – «Пассат». Этот позывной будет означать с нашей стороны, что с вами связалась разведка или руководители спецсил флота. С вашей стороны – что вы хотите выйти на связь. В эфире вас поймут и ответят. Скорее всего от вас такой связи не потребуется, потому что работать будут только спецназовцы, но слушать в эфире вас будут круглосуточно. Это естественно…

Атлантический океан. 4°45′ с.ш., 32°12′ з.д. Борт сухогруза «Архангельск»

Зуммер внутреннего телефона прозвучал неожиданно, хотя капитан ждал сообщения уже несколько часов. У Топилина хватило выдержки не дергать радиста и не запрашивать у него информацию каждые тридцать минут. Будет информация – он сообщит. И вот звонок.

– Николай Николаевич, – послышался в трубке взволнованный голос радиста. – Вас просят на связь лично. Код – «Пассат».

– Все нормально, Петя, – ровным голосом ответил капитан, заметив волнение моряка. – Сейчас буду.

Современные суда строятся таким образом, что капитанские каюты расположены всегда прямо за ходовым мостиком. Одна дверь – и ты на рулевом посту. Другая дверь – и ты попадаешь во внутренние помещения: кают-компанию, каюты помощников и радиоузел.

Сняв с вешалки форменную фуражку, капитан посмотрел на себя в зеркало, чуть поправил козырек и вышел в коридор. Старый моряк был очень щепетилен в вопросах внешнего вида. Причем как своего, так и подчиненных.

В радиорубке связист протянул капитану второй комплект головных телефонов и вызвал «Экватор».

– «Архангельск», прошу на связь капитана, – отозвались на том конце радиомоста.

– Я «Архангельск». Капитан Топилин на связи.

– Николай Николаевич, по нашему коду примите на борт группу из двенадцати человек. Наименование их позывного у вас в сейфе – пакет номер «3».

– Где я должен принять группу? – не обращая внимания на удивленный взгляд радиста, спросил капитан. – Координаты и способ доставки на борт?

– Вскройте пакет номер «3», – повторил бесстрастный го-

лос в эфире. – Менять курс не надо. Конец связи.

Стиснув зубы, Топилин вернулся в каюту и отпер сейф за спинкой своего кресла. Пакет номер «3» лежал сверху, как он и положил его в Мурманске. Все так же прошитый нитками, все тот же гриф «Совершенно секретно» в синем прямоугольнике в верхнем углу. Такие вещи всегда дисциплинируют, заставляют осознать, что это вопрос государственного значения. Достав из сейфа журнал, капитан сделал запись о дате и времени вскрытия пакета, а затем канцелярским ножом надрезал один край.

Вахтенный помощник Гоголев без удивления обернулся, когда капитан вошел в ходовую рубку. Он давно ходил с Топилиным в рейсы и знал его привычки. Даже если Николай Николаевич сам не стоял на вахте, он все равно часто заходил на мостик. А уж если случалась сложная ситуация, то его присутствие было обязательным. Он не вмешивался в действия вахтенного, доверяя опыту своих помощников, но присутствовал всегда.

– За время вахты… – начал было помощник, но капитан кивком остановил доклад.

– Внимание по курсу, – приказал Топилин, удивив всех присутствующих на мостике своим вмешательством. – Приготовиться принять на борт людей с маломерного судна.

Топилин свято соблюдал основные законы судоходства и никогда не допускал нарушения в составе судовой вахты. Что ходовой, что стояночной. Наблюдатель был на мостике

только наблюдателем, и другими обязанностями загружать его было категорически запрещено.

Все удивились, но виду никто не подал. Капитан мог прийти из радиорубки, где принял сигнал бедствия. Такое случается в океане. Но почему он просто не передал сообщение на вахту, а занялся этим сам?

– Николай Николаевич, – вдруг позвал вахтенный помощник, вглядываясь в экран радарной установки. – Судно с большим водоизмещением прямо по курсу на расстоянии пяти миль. Может, они успели? Разрешите запрос о помощи по СОЛАСу [9].

– Отставить, Сергей Владимирович! – неожиданно приказал капитан.

Вахтенный – второй помощник капитана – удивленно уставился на шефа. Как же можно не послать запрос, если есть информация о терпящих бедствие, которые находятся в открытом океане на маломерном судне? Это значит, что они спаслись на шлюпке или моторном катере. И то судно, которое видно на радаре, наверняка занято спасательной операцией. Запрос в такой ситуации обязателен. Он будет задокументирован и станет подтверждением тому, что экипаж «Ар-

---

[9] СОЛАС – Международная конвенция по охране человеческой жизни на море. Действует с 1974 года. Конвенция определяет такие вопросы, как единые нормы проектирования судов, критерии оценки его технических и экономических характеристик, судовое оборудование, правила движения в море и т. п. Также предполагает определенные обязательства экипажей по спасению терпящих бедствия, а также ответственности капитанов в отношении собственных экипажей.

хангельска» выполнил свои обязательства в соответствии с Конвенцией.

– Отставить, – повторил капитан. – Это не бедствие. Я выполняю приказ принять на борт группу наших граждан. Запись в вахтенный журнал не вносить. Информация по капитанскому регистру.

Судя по показаниям радара, отметка большого быстроходного судна смещалась в сторону удаления. Маломерные суда находились, если они и были в море, вне диапазона радара. Минут тридцать на мостике прошли в полном молчании. Наконец матрос-наблюдатель увидел в море людей.

– Вижу два объекта! – доложил он. – Внешне похожи на два спасательных надувных судна. Они движутся в нашем направлении. На борту люди.

Гоголев неуверенно посмотрел на капитана. Приказаний не последовало и информации о том, что капитан берет командование у вахтенного, тоже.

– Малый вперед, – коротко бросил Гоголев. – Спасательную команду наверх. Курс влево пять. Самый малый!

Катеры уже были видны невооруженным глазом. Они двигались навстречу сухогрузу, и на борту каждого из них виднелись скорчившиеся человеческие фигуры. Гоголев, который лет восемь назад подвергся нападению сомалийских пиратов в Аденском заливе, громко выругался. Внешне это было слишком похоже на то нападение.

Сухогруз замедлил ход и шел вперед только по инерции со

скоростью не более пяти узлов. Четверо матросов спускали трап вдоль левого борта, с интересом поглядывая на людей в черных гидрокостюмах, которые кружили вдоль борта на катерах. Наконец трап был опущен и закреплен. Один катер подошел к нему, и на борт «Архангельска» полезли незнакомцы. Все как один здоровенные и высокие.

Первый же поднявшийся на борт окинул взглядом группу матросов и уставился на Топилина. Видимо, он узнал его по фотографии.

– Николай Николаевич, здравствуйте. – Незнакомец, длинный как жердь, протянул широкую ладонь капитану. – Моя фамилия Ломашевский, зовут Денис Васильевич. Прибыли для вашей охраны и прочего.

– Хорошо, – кивнул капитан, пожимая сильную руку гостя. – А что вы имеете в виду под словом «прочее»?

– Меня предупредили, что вы дотошный человек, – улыбнулся Ломашевский, наблюдая, как на борт поднимают из катеров водонепроницаемые десантные мешки. – «Прочее» – это наша вторая задача, помимо охраны груза. Мы же должны выяснить, кто именно будет нападать, кого они представляют, кем наняты. Ну… и по возможности внести некоторый беспорядок в планы злоумышленников относительно присутствия российских специалистов в Парагвае.

– Вас, я вижу, всего двенадцать человек!

– А крупномасштабной войны и не предвидится, – пообещал Ломашевский.

– Это хорошо, а как я вас буду представлять, когда на борт поднимется таможня?

– Мы привезли с собой кое-какие дополнительные документы для этого. Десять человек – сопровождающие груз специалисты «Газпрома». Двое сойдут до того, как вы войдете в Ла-Плату.

– Как это сойдут?

– Не берите в голову, Николай Николаевич, – снова обезоруживающе улыбнулся Ломашевский. – Мы все сделаем сами, а вы нас просто не замечайте. Ну, пассажиры и пассажиры.

Топилин вспомнил такую же вот открытую и обезоруживающую улыбку капитана первого ранга Вострякова из разведки флота. Умеют же они улыбаться гражданским людям. Специально, что ли, их учат этому? Аж мурашки по спине, когда вспомнишь, кто они такие. Тот, может, еще и кабинетный работник, а этот? А эти? Двенадцать против всей Южной Америки?

Парагвай. Город Кампо-Сильва, департамент Альто-Парагвай

Этот русский сразу внушал опасение. Он был вежлив, много и громко хохотал над собственными шутками. Довольно бегло изъясняясь на испанском языке, Иван, как он представился всем, успевал обсуждать и деловые вопросы, касающиеся обеспечения безопасности русских специали-

стов, и уделять внимание девушкам в администрации Департамента.

Солано Флорес с опасением смотрел на крупную фигуру русского и развевающиеся во все стороны полы его кожаной куртки. Португалец очень беспокоился, что он смахнет нечаянно древнюю вазу или подарок японской делегации – миниатюрное дерево бонсай. Наконец русского удалось усадить, а секретаршу отправить за аргентинским кофе.

– Уважаемый, Иван, – Флорес попытался вернуться к разговору о делах. – Для того чтобы полиция смогла оказать вам всестороннюю помощь и оградить от различных неприятностей, вам следует представить официальное уведомление о количестве специалистов, дате прибытия, маршрутах передвижения…

– Разумеется, Солано, – расплылся в улыбке Иван и попытался встать, чтобы перегнуться через стол и похлопать чиновника по плечу.

За эти полчаса, как Иван Никитин прибыл из Асунсьона, Флорес уже устал сносить похлопывания, пожимания рук, полуобъятия и выслушивать беспрестанные шутки. Очень уж общительным был этот русский представитель «Газпрома». Сейчас Флорес остановил гостя обеими руками, заставив его вернуться в кресло.

– Вы ведь понимаете, Иван, что это необходимо?

– Завтра у вас будет список и самый подробный график пребывания наших специалистов в вашем Департаменте, –

заверил Иван.

В этот момент вошла секретарша, держа на подносе чашку кофе, стакан сока и вазу с фруктами. Иван тут же переключился на смуглую девушку и оживленно стал ей подмигивать, потирая руки. Правда, вопреки опасениям Флореса, выражение симпатий к секретарше дальше этого не пошло. Девушка вышла из кабинета целой и невредимой, а Иван взял предложенную чашку кофе и с наслаждением сделал глоток. Флорес решил, что теперь этот шумный русский угомонится хоть бы на несколько минут. Не тут-то было.

– Вы странная нация, Солано, – заявил вдруг Никитин. – Вы умудряетесь жить в глубине материка без выхода к морю, довольствуетесь речным сообщением и терпите бездарных правителей. Поражаюсь, как можно быть чиновником в такой стране. У нас, например, каждый знает, что воровать нужно с прибыли, а не с убытков.

– Простите, – покраснел от негодования Флорес, – я не понимаю ваших намеков.

– Да ладно вам! – расплылся в дружеской улыбке Иван, прихлебывая кофе. – У нас все так же, только немного получше. Каждый, кто может урвать себе кусок, урвет его. Это нормально. Меня другое удивляет. Вот уже 20 лет, как власти Парагвая ставят над собственной страной один опыт за другим. Вы ведь еще от прошлого не отошли, а вам уже предлагают новый либеральный эксперимент. Ведь низкие или нулевые импортные пошлины неизбежно лишат казну дохо-

дов от внешней торговли. И экспорт вам ничего не даст. Ни хрена! – добавил Иван по-русски.

– Простите? – не понял чиновник этой энергичной вставки.

– Неважно, – махнул Никитин рукой. – Я о том, что вы вывозите продукцию сельского хозяйства, лес, а кто с этого имеет больше всего? Чиновники! Я по образованию инженер и кое-что смыслю в энергетике и экономике. Вы молодцы, что вовремя ввязались в совместное строительство электростанции Итайпу. Это даст вашей экономике некоторый запас прочности. Вы знаете, что это ваше титаническое сооружение до сих пор является самым крупным из себе подобных? Я где-то читал, что эта электростанция за год вырабатывает порядка 100 миллиардов киловатт-часов электроэнергии. Наверняка этого вполне достаточно, чтобы полностью обеспечить электричеством Парагвай и западные регионы Бразилии?

– Вы так говорите, Иван, – попытался отстоять национальную гордость чиновник, – будто нашей заслуги в этом нет. А кто ее строил, кто своим непосильным трудом…

– Нет, – покачал головой Иван и добавил с интонациями садиста: – Никакой вашей тут заслуги нет. Просто впервые в истории страны Парагваю улыбнулась удача. Для создания водохранилища годилась именно его, а никакая другая, территория. В итоге на бразильские деньги бразильские специалисты возвели это сооружение. А половина продук-

ции принадлежит парагвайцам. Вы потребляете лишь десятую часть электроэнергии, а остальное продаете все тем же бразильцам. При таком раскладе вы можете себе позволить вести жизнь пусть бедного, но все-таки рантье. Я понимаю вас, Солано, вам слишком долго не везло.

– Вы так хорошо знакомы с нашей историей? – удивился Флорес.

– Обычно я много читаю о той стране, куда еду работать. Это помогает находить общий язык с местным населением, с его руководителями. Просто понимать местную культуру. Вы завоевали свою независимость еще в 1811 году, не так ли?

– Именно так, – согласился Флорес. – До середины девятнадцатого столетия Парагвай был одним из самых сильных государств в регионе. Мы были благополучной страной, но потом… Зависть, черная зависть заставила многие страны обрушить на нас свое…

– Нет, дорогой мой Солано, – покачал Никитин головой.

Чиновник вдруг увидел, что лицо Ивана уже не бесшабашно веселое. Оно стало жестким, даже жестоким. И говорил он теперь рублеными фразами:

– Я вам хочу напомнить, Солано, что больше на удачу вам рассчитывать не стоит. Вы успокоились, стали слишком самоуверенными, а это ведет к трагедии. Вы помните свою трагедию? Вы слишком демонстративно стали показывать свою независимость от величайших держав. И они вас наказали.

Англия, Франция и Соединенные Штаты наказали вас, да так, что это навсегда искалечило страну. Вы думаете, что не они с вами воевали? Они, мой друг, именно они. Только чужими руками. Так всегда делается большая политика. Жернова, перемалывающие хребет непослушным, всегда вращаются чужими руками. В данном случае была создана союзная бразильско-аргентинско-уругвайская армия.

– Да, это была кровопролитная война, – грустно ответил чиновник.

– Не лгите самому себе, Флорес! Это была чудовищная война, страшная война, жуткая война, какую только вы умеете вести. У кого-то из ваших, в смысле южноамериканцев, я читал жуткие рассказы об этой войне?

– У Борхеса, – тихим голосом подсказал чиновник. – У него есть один из рассказов о той войне. Там он писал, как пленных заставляли бежать с перерезанными глотками наперегонки. Дикое развлечение победителей.

– Вы сдались, Флорес! – сквозь зубы процедил Никитин, перегнувшись через стол и глядя чиновнику в глаза. – В 1870 году вы сдались! Напомнить вам, какая численность населения была в стране до войны?

Чиновник смотрел на русского затравленно. Он уже стал догадываться, что этот человек не ради развлечения изучал историю Парагвая. И разговор этот завел он неслучайно.

– До войны, Флорес, в вашей стране жили полтора миллиона человек! Напомнить, сколько осталось после оконча-

ния войны? 200 тысяч! Из них только 20 тысяч – мужчины. Парагвай лишился половины территории, а значит, и части граждан. На оставшейся территории было истреблено 60 процентов парагвайцев. Из мужчин выжить удалось только одному из десяти.

Флорес промолчал, потому что все это знал. Это изучали еще в школьной программе, это было у всех на устах. Случившееся было национальной трагедией, если не позором.

– А знаете, Солано, почему вы в 1932 году схватились с Боливией за спорную область Чако? Я вам поясню. Руками Боливии контроля над Чако добивалась американская компания «Стандарт Ойл». А вы на чьей стороне воевали? Не знаете? Я вам скажу! Ваше правительство отправляло своих солдат проливать кровь за интересы британско-голландской компании «Ройал-Датч Шелл». Напомнить, как вы воевали? Да как обычно, Солано! С обеих сторон полегли сотни тысяч солдат, но с большим удовольствием и без всякой жалости обе армии резали простых скотоводов. Целыми семьями, с детьми, включая грудных младенцев, и домашним скотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.